

РУССКАЯ

Я от самой земли и до кончика волоса
Урождённая русская. Вологодских крестьян
Плоть и кровь.

Я несую от повадки до голоса
Все достоинства их, как и каждый изъян.

И от Жукова Ваньки до маршала Жукова –
Не споткнётся душа и у этих ворот –
Ей от горюшка детского, горюшка жуткого
До величья стратега один поворот...

Эта русскость кому-то полна удивления.
Но пускай даже знаю, что жизнь прожита,
В ипостасях души остаюсь без сомнения
От скита в глухомани до храма Христа.

А до славы нескромной, отчаяния страшного
Мою русскую душу ты не доводи:
Чай, не дрогнет она,

чтоб пойти в рукопашную –
До рубахи, рванутой на русской груди...

Я от дедова корня с такой вот натурой –
От деревни его до космических трасс...
Хоть не знаем покуда мы тьму эту хмурую,
Но ужо соберёмся – слетаем на Марс.

В ГРАЧИНОМ АПРЕЛЕ

В смокигах чёрных грачи по-хозяйски
По пашням шагают князьями из вотчин,
Уверенно зная, что утречком майским
Пласт почвы не будет так сильно подмочен.

Грачихи у гнёзд суетятся по-бабьи.
Прутки понадёжней – крадут друг у друга,
Чтоб важные князи в их гнёздах не зябли,
И чтоб на сезон заарканить супруга.

Чтоб было грачатам потом попросторней.
Ох, бабий прицел – очень точно рассчитан!
Им опыт подскажет немало историй
О том, что гнездо – это дом и защита.

Грачиный апрель достаёт свою дудку –
Напевы простые звучат спозаранок.
Пернатым трудягам играет побудку,
Подарит грачихе букетик саранок.

Всё просто и мудро на пашне Борей:
Мужей беспокоят лишь бабьи повадки,
Им хочется, чтобы как можно скорее
Подруги – грачихи уселись на кладки.

И что им за дело, что где-то стреляют,
Что мальчик – солдат появился в прицеле...
Здесь жизнь, как эфир,
без конца и без края, –
В грачином апреле, в грачином апреле...

ВЕЧЕР

От восторга ль, с перепугу,
Перепулав, может, лейку,
Вечер вылил на округу
Краски розовой бадейку.

Стали розовыми лица
И дома, и перелески...
Да кому же усидится
В этой пляске света дерзкой!

Гимном розового свиста
Вечер в нас взыграл подкожно:
Даже мрачным пессимистам
Аж в любовь поверить можно.

Окна — настезь! Прочь из дома,
Чтобы розовых феерий
Поднебесного альбома
Тогой царскую примерить.

Ты же строго поднял очи:
— Ну, и что? Закат играет.
Черноту грядущей ночи
Простодушным подслащает.

Но не верю. Есть мгновенья —
Их навечно память примет,
И Жар-птицы оперенья
С наших душ уже не снимет...

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

...Или что-то волнует душу,
Или так же не спят небеса:
Чуть рассвет — начинаю слушать
Чьи-то тихие голоса.

Может, ветер, присев с устатку
В палисаднике возле роз,
Вести добрые к ним на грядку
С параллели дальней принёс?

Старой яблоне, ночь не спавшей,
В тяжесть даже росы горох.
Не её ли, рожать уставшей,
Слышен тихий протяжный вздох?

Может, в церкви звучала треба,
Или птаха кого корит.
Может, мама спустилась с неба
И тихонько со мной говорит.

Дескать, дочка, прикрой окошко,
От прохлады накинь-ка шаль.

Коротка ль между нами стёжка?
Удлиняется ли... едва ль...

Словно в древней индийской сутре
Задрожжала тонкая нить...
И в такое волшебное утро
Даже вслух грешно говорить...

АЛЬБАТРОС

Стихия неба, воздуха, эфира
Его взрастила и несёт над бездной
Волной упругой тёплого Зефира
Как мать в любви качая безвозмездной.

Волна надёжна, альбатрос уверен,
И лишь крыла — до полного размаха!
В лучах сияя белоопереньем
Парит гордец без устали и страха.

А ты похожа на него, Россия!
В планирующем быть тебе полёте —
И та же красота, и та же сила,
И голос слышен на высокой ноте...

И солнца луч спешит к тебе с рассвета.
Но помнишь ли, внизу — стихия моря:
Глубин бездонных без тепла и света,
Исчадьё страха, чёрных тайн и горя.

И если силы вдруг тебе не хватит,
Рванётся ль кто тогда тебе навстречу?
Никто тебя, Россия, не подхватит,
Тебе по-братски не подставит плечи...

Но ты крепка. Из этих птиц — колоссов,
Царями признанных над бездной моря,
Парящих плавно белых альбатросов,
Что с силами стихий упрямо спорят...

ГОЛУБИКА-ГОНОБОЛЬ

Возле топи завёлся хулиган.
То — багульник:
что ни день — глянут — пьян.

На краю болота — переполох.
Всем казалось, был парнишка не плох.

Но сороки разнесли там и тут:
Мол, не зря его «пьянишник» зовут...

И однажды он увидел во сне
Голубику-голубель по весне.

Терпким запахом овеял красу,
И решил: теперь домой отнесу.

Ох, клянёт голубика жизньё:
«Пьяной ягодой» прозвали её.

Как бывалоча, корзину набрал –
От угару путь домой потерял...

Ваня с Машей шли собирать гоноболь,
Ах, шальная их окутала боль...

Лес услышал только шёпот да вздох.
Где присели, там постель – тёплый мох.

Аль у ягоды волшебный манок?
Народился у Машутки сынок.

И не минешь ты «пьяницу» обочь –
Народилась у Машутки и дочь.

Так и ходят за детками в лес.
Полон двор женихов да невест.

Синеглазы, светлорусы, стройны,
И других достоинств полны.

Голубика-голубель... два ведра...
Оказалась ты на счастье щедра.

МАРИНА

О тебе, не сдержусь, поплачу.
И за слёзы сполна плачу,
Медяками считая сдачу,
Чтобы кинуть горсть палачу.

Бабе русской, известно, плаха...
Перемен бесконечных гнёт,
И с герба двуглавая птаха
Больно в темечко долбанёт.

Русской бабе да быть Поэтом...
Сколь могла, ты её несла –
Эту ношу, коль Божьим светом
Два мерцали твои крыла.

Вспоминала «курчавого мага»,
Рассказать хотела ему
На крутой спине Аю-Дага
Что любила и почему.

И вчера в предрассветной рани,
Как утих листопадный шквал,
У твоей ограды в тумане
Долго-долго Пушкин стоял...

ПРИГОРШНЯ БЕЛОГО ОГНЯ

Душа моя не станет прахом,
Зачем ей где-то гнить и гнить.
Она, счарованная Бахом,
Не перережет эту нить.

Она пойдёт гулять по свету
Пригоршней белого огня.
И где ни искорки уж нету
Мигнёт в ночи остатком дня.

Ей хорошо в лампадке тихой
С другими вместе помолчать.
Киот старинный многоликий
По мере силы освещать.

В избу влетит почти вприпрыжку.
Как всё знакомо ей в избе!
Дошает здесь сосновой шишкой
У самоварища в трубе.

Лежанку топят до обеда.
Сюда ей тоже невтерпёжь!
И уголёчком-непоседой
Кто выстрелил – и не поймёшь...

И вновь вперёд, и ей не спится:
Где молодость – её сестра,
Она танцует и кружится
В огне туристского костра.

Не стану прахом из упрямства.
Душа да не предаст меня!

Вам осветит чуть-чуть пространства
Пригоршня белого огня.

В РЕСТОРАНЕ

Звон бокалов – хрустальный трепет,
Яств роскошество на столах,
Взгляды томные, дамский лепет
Знак обслуге – лишь брови взмах.

К нам спешит от столика дальнего.
Я бесцельно меню верчу...
– Бланманже принести миндального?
– Я ржаного хлеба хочу!

Чтоб горбушка от каравая
Огромного, с решето
С ароматом родного края,
Поле солнцем где залито!

Сник парнишка: – Еда ...другая
Здесь у нас, – сказал покраснев
Но я, кажется, знаю... Знаю!
Кто печёт чёрный хлеб. Мой шеф!

Сельский, что ли... с душой не мелкой,
Нёс его, как живую плоть.
На красивейшей на тарелке
Плыл над всеми чёрный ломоть.

Да, такой... Ноздреватый даже.
Раз-два-три и съели уже.
– Шефу кланяюсь! Так уважил!
А теперь... давай бланманже!

ТАНГО

Как на лезвие бритвы,
Как в стихию огня
В преисподнюю ритма
Ты швыряешь меня.

Внепространственность полная –
И качается пол.
Поворот – будто молния,
Будто шпаги укол.

Платяных декораций
И каскадами па –

Трёхминутного танца
Обжигает напалм.

Филигранно рисуем мы
За зигзагом зигзаг,
И вослед неминуемо
Строгих судей глаза.

Осциллографа иглами
По спине, по плечам
Пары глаз не наигранно
Колют хлеще меча.

Бьёт в висках, словно падаю,
Словно вот-вот умру...
Под оваций загаданных
Непростую игру.

ОКАЯННАЯ

Где такое место на карте?
Но не мучил меня вопрос –
Эти ландыши, майские, в марте!
Где ты взял их, откуда принёс?

Ты любил. Как бы между прочим
Рядом был, и тут спорь-не спорь,
У постели моей дни и ночи,
Если вдруг одолеет хворь.

Между нами была откровенность,
Я была с тобою дружна,
Но твоя лебединая верность
Оказалась мне не нужна...

Мама плакала: счастье, доча,
Ты теряешь этой весной.
И отец серчал: глупо очень

Обходить судьбу стороной.

...Чем бы я тебя одарила
За твою большую любовь?
Вот и дочку сама взрастила.
Жаль, тебе – не родная кровь...

И твои уж читают книжки,
И футбольные смотрят «бои».
На тебя похожи мальчишки –
К сожалению, не мои.

Я жива ли... в тисках окаянства?
Ты звонишь – мне слов не найти.
Только вздрогнет рядом пространство...
Ты прости...

СТАНСЫ

Как цвела та сирень!

Как играли под солнцем
Кисти нежных цветов, фиолетом дразня,
Перемигиваясь первородным червонцем,
Если в город ворвётся весёлый сквозняк.

Как цвела та сирень!

Аж ломать было жалко.
Словно чья-то любовь,
что была не из книг,
Как невеста выпрастывалась
из полушалка
Показаться гостям. Замирая на миг...

Как цвела та сирень!

Словно белого вальса
Дожидалась она, и подол подхватив,
Стать спешила строфой незнакомого станса,
Уловив его дивный любовный мотив...

